

# Вычитание из реальности

**ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1**

И в отличие от большинства писателей и режиссеров знаю, как работает текст, как он устроен. Обычно люди сочиняют спонтанно, как бог на душу положит, а я был теоретически подкован еще до того, как начал писать. Вот только не было практических навыков. Теперь они появились.

**– Пьесы, роман, повесть... Чего еще ожидать от писателя Гришковца?**

– Каждый раз после завершения большой работы у меня наступает некоторая растерянность, и непонятно, что делать дальше. Хочу летом написать еще пару рассказов. Запишу пьесу «Осада», которой сейчас не существует на бумаге, только в виде спектакля. Сделаю еще несколько кусочков и из всего этого соберу маленькую книжку к Новому году. А замысла, равного замыслу «Рек» или «Рубашки», у меня пока нет. Могу только сказать, чего от меня ждать не стоит. Я, например, уверен, что не буду много писать. Меня и с театральной точки зрения можно назвать бездельником – уже два с лишним года не ставил новых спектаклей. Что еще? Не стоит ждать от Гришковца придуманной истории и придуманных персонажей. Я не смогу этого сделать. Во всех моих текстах отсутствует сюжет. Объясняется это просто. Я сюжетостроением не владею, катастрофически не умею придумывать нечто абстрактное.

**– Теперь понятно, почему ваш лирический герой кажется копией автора. Из-за неумения фантазировать. Он ведь действительно похож на вас? Или это ложное впечатление?**

– Герой повести? Конечно, похож. А герой, который на сцене, он еще и внешне похож на меня. Но и тот, и другой намного чувствительнее, чем я. Моя чувствительность распределена во времени – в тридцати восьми годах жизни. А нормальный человек прочитывает «Реки» за три с половиной часа. Три с половиной часа живет главный герой. И очень много успевает за это время почувствовать. Нет, не смог бы я жить с таким эмоциональным накалом, с такой концентрацией.

**– В «Реках» вы сознательно дистанцируетесь от текста. Даже автора конструируете другого. Но хотя в повести ни разу не названы ни город, ни река, понятно, что город – Кемерово, река – Томь, а главный герой – Гришковец. От «Собаки» до «Рек» вы только и занимаетесь тем, что рассказываете читателю о себе. Согласен, тема неисчерпаемая. Ее может надолго хва-**

**тит. Но стоит ли так нещадно эксплуатировать свой жизненный опыт?**

– Со мной было не так уж много приключений, как может показаться на первый взгляд. А уж тех, о которых можно публично рассказывать, не вызвав зависти или недоумения, совсем мало. Давайте сформулируем иначе: я пишу о том, что со мной было, или о том, что я знаю. Второй пункт сильно расширяет мои возможности. А потом происходит вычитание из реальности. Всю подлинную экзотику я старательно вычищаю. В «Реках» об этом сказано прямым текстом: «Кому нужны мои подробности? Поэтому я не буду называть ни имени деда,

Мой герой в повести говорит, что, мол, можно доехать до Казанского вокзала. А поезда-то из Сибири приходят на Ярославский! Но главный ужас в другом – работа завершена, ее итоги равны такому-то количеству знаков, точек, запятых, пробелов... И по большому счету ничего уже не изменишь. – Мне странно, что вы так стремительно издали новую вещь. И двух месяцев не прошло. Матерый писатель сначала пропустил бы повесть через толстый журнал, номинировался бы на какую-нибудь интересную премию и только после этого напечатал отдельным изданием. Таков литературный процесс.

– Разумеется. И не очень оригинальные. Чехов в драматургии, а в прозе Бунин. Но не только они. Когда я писал «Рубашку», на столе лежала «Зависть» Олеси. Еще в детстве сильное впечатление произвел на меня Жванецкий. Причем не смешными, а довольно серьезными текстами. Его манера, его интонация повергли меня в состояние, близкое к настоящему шоку. Одно время я носился с «Наивно.Супер» Эрленда Лу. Всем рекомендовал почитать, раздарил десятка три книжек. Вообще же «Наивно.Супер», фильм «Амели» и моя пьеса «Одновременно» – это, по сути, одно и то же произведение. По духу, по ощущению. Но только я написал его

## Со мной было не так уж много приключений, как может показаться на первый взгляд

ни города, ни реки». Это очень существенно для меня. И для меня, и для моего читателя. Я получаю массу писем, где дается, скажем, подробнейшее описание двора, рассказывается, как был одет автор, будучи ребенком, как звали его друзей, в какой детский сад он ходил. То есть читатель мне демонстрирует, что он это сам все тоже прекрасно помнит, хотя у меня и близко ничего подобного нет. Но он-то уверен, что есть! А почему? Потому что ему кажется, что я подробно описал его ситуацию. Но если бы я действительно рассказывал все подробности своей биографии, он, конечно, не принял бы мой текст на свой счет.

Любые подробности, и не только биографические, воспринимаются мной как архаика. В «Рубашке», например, ни разу не сказано «он повесил трубку» или «он бросил трубку», потому что сегодня мы люди с мобильными телефонами. Мы уже давно не вешаем трубку, а отключаемся. В «Реках» я специально пишу не «УАЗ», а отечественный внедорожник. Тут не только расчет, но и суеверие своего рода: надеюсь, что «УАЗ» выйдет из обихода быстрее, чем эта повесть.

**– В таком случае вашим текстам необходим регулярный апгрейд. Но ведь это театральный подход. Это в спектакле вы можете постоянно что-то менять, исполнять разные версии одного и того же текста. Литература – дело другое. Более окончательное.** – Это-то меня и пугает. Я, кстати, уже поймал себя на ошибке.

– Я не стремлюсь иметь дело с толстыми журналами, потому что не воспринимаю их аудиторию как свою. В этих журналах (сразу оговоримся, что я их очень люблю) чувствуется традиция, спокойствие, а я не спокойный человек и не традиционный. Меня, например, интересует территория клуба. Это пространство я ощущаю своим даже больше, чем сцену в театре. Когда во время спектакля со мной начинают разговаривать из зала – такое случается, особенно в нетеатральных городах – я объясняю, что театр придуман очень давно древними греками. Он придуман следующим образом: со сцены говорят, а из зала – нет. Это придумал не я, я придумал бы как-нибудь иначе, но правила уже существуют и ничего не поделаешь. А в клубе не все еще придумано до конца. Туда ходят много хороших людей, которые не ходят в театры. На них и рассчитан был, между прочим, проект, который мы сделали с группой «Бигуди». И компакт «Петь», и клубные выступления. Этот проект и сам по себе очень важен. Хотя бы потому, что такого формата на русском языке не существовало до нас.

**– Велик соблазн принять вас за первооткрывателя, причем сразу во всех областях. Поет нерифмованные тексты, играет странноватые пьесы, пишет бессюжетную прозу. И очевидным образом ни на кого не похож. Но наверняка ведь имеются какие-то корни-истoki-ориентиры. Заветные имена, объясняющие, откуда ноги растут.**

раньше, чисто хронологически. Самые разные вещи попадают в мое поле зрения: «Сага» Бенаквисты, рассказы Аксенова, Искандера. Но больше всего люблю литературу по военной истории. Такое у меня увлечение – позапоминать данные каких-нибудь прославленных кораблей, водоизмещение, дальность хода и прочее. Это, кстати, отражено в пьесе «Дредноуты».

**– Ходить на Гришковца – модно. Иметь его книги необходимо, чтобы считать себя продвинутым человеком. Немного обидно, правда, что продвинутые люди зачастую покупают не текст, а имя, раскрученный брэнд. Все это – издержки массовой популярности. А кто ваш настоящий читатель? Что он из себя представляет?**

– Я в отличие от многих писателей видел его глаза в зрительном зале. Но надо, конечно, признать, что зритель и читатель далеко не всегда совпадают. Кроме того, на мои спектакли ходят не сутубые театралы, и книги мои тоже покупают не те, кто запойно много читает. Мой читатель, как я его себе представляю, – человек, любящий сегодняшнее время, живущий без глобальной обиды на это время, без социального гнева. Скажем так, если у человека не много денег, то его не обижает, что есть на свете дорогие рестораны, а он туда не может пойти. И это наверняка человек, обладающий любопытством. Нелюбопытные люди на мои спектакли не ходят. И книжек они не читают.

**Беседовал Ян Шенкман**